

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга Екклезиаста: от скепсиса и сомнения к спасительной вере

Всякий человек, приходящий в этот мир, испытывает по отношению к этому миру противоречивые чувства. Человек радуется свету и теплу, боится тьмы и холода. Он восхищается гармонией и слаженностью этого мира и не может примириться с царящей в нем жестокостью и несправедливостью. В этом мире он испытывает и наслаждение, и боль. Каждый человек, приходящий в этот мир, не может не видеть неизбежную перспективу этой жизни — смерть, обесмысливающую жизнь и деятельность человека. Жизнь рождает много вопросов, ответы на которые пытались и пытаются найти мыслящие люди, принадлежащие к разным культурным и религиозным традициям.

На Древнем Ближнем Востоке глобальные проблемы человеческой жизни рассматривались на страницах произведений литературы мудрых. К этому литературному направлению принадлежит и библейская Книга Екклезиаста. Эта книга представляет свое осмысление важнейших проблем человеческого существования, проблемы страдания, справедливости, возмездия, смерти, смысла жизни и деятельности человека. Автор ее был знаком с подобными ей произведениями народов Древнего Ближнего Востока, но он рассматривал волнующие его проблемы в рамках родной для него библейской традиции, предлагая свое особое решение этих проблем. Это решение было сделано под божественным воздействием и определило статус этой книги как книги богодухновенной. Автор книги стремился показать, что для человека в этом мире, если он хочет сохранить смысл жизни, нет иной альтернативы, кроме абсолютной верности и доверия Богу. Он подводит читателя к необходимости признания суда и Царства Божия, реальность которых откроется за порогом этой жизни. Интуиция вечной жизни, свойственная автору Книги Екклесиаста,

делает ее своеобразным мостом между Ветхим и Новым Заветами, между чаяниями и исполнением чаяний.

Своеобразие Книги Екклезиаста как нельзя лучше выявляет сравнение ее содержания с содержанием близких ей по духу произведений Древнего Ближнего Востока. В этой книге были затронуты только памятники литературы мудрости Древнего Египта.

«Песнь арфиста», созданная в эпоху XI династии, в конце третьего тысячелетия, как и Книга Екклесиаста, отличается пристальным вниманием к смерти человека. Авторы обоих этих произведений осознают, что смерть отнимает плоды трудов человека, поэтому человек в перспективе грядущей смерти должен жить в радости, жить полной жизнью. Жизнь человека мимолетна, происходит постоянная смена поколений людей на фоне постоянного круговращения солнца. Смерть неотвратима, вернуться назад невозможно, при этом то, что ждет человека после смерти – неизвестно. Кроме этих мыслей, два произведения объединяет и сходное употребление образа сердца. Вместе с тем, эти памятники в рамках своих традиций выполняют различные функции. Египетский текст, вспоминая смерть, делает основной акцент на жизни человека, видя смысл жизни не только в подготовке к загробному миру, но в самой жизни человека. Библейская книга делает основной акцент на смерти, поднимает проблему смерти, проблему, которая не получила в ветхозаветной библейской литературе должного рассмотрения.

«Разговор разочарованного со своим Ба», написанный во время X-XI или XII династии, на рубеже третьего и второго тысячелетий объединяет с Книгой Екклесиаста диалогичный характер. Диалог человека со своим персонифицированным Ба напоминает диалог Екклесиаста со своим персонифицированным сердцем. При этом, образ Ба, как и образ сердца Екклесиаста, присутствует главным образом в начальной части текста. Оба автора одинаково используют термины «сердце» и «имя». В ходе диалога египетский автор положительно оценивает позицию Ба, а библейский – позицию сердца. В речах Человека из «Разговора» и Еккле-

зиаста поднимаются общие темы: разочарованность в жизни от ее скоротечности, жизненных невзгод и несправедливости. При этом высказывается мысль о превосходстве смерти над жизнью. В речах Ба и словах из библейской книги сходно говорится о необходимости бережного отношения к жизни, сходно изображается смерть как трагедия, сходно описываются бедствия, содержится общий призыв наслаждаться этой жизнью и не обременять себя тяжелыми мыслями, одинаково утверждается превосходство жизни над смертью. Оба памятника критикуют некоторые представления, которые являлись традиционными для египетской культуры и библейского понимания мира. Впрочем, сами эти представления различаются. В египетском тексте отражена критика чрезмерного внимания к заупокойному ритуалу. В библейском тексте опровергается устоявшееся мнение о связи между праведностью и успехом в жизни (в этой связи дается совет не быть чрезмерно праведным, но все же бояться Бога и соблюдать Его заповеди, помня о Его суде); высказывается сомнение в авторитетности заповеди о труде (однако этому сомнению противопоставляется убежденность в том, что человек должен трудиться, быть деятельным, активным, а Бог может даровать человеку радость, удовольствие от этого труда); а также выражается сомнение в превосходстве человека над животными. Но особенно отличает эти произведения различный взгляд их авторов на посмертную перспективу. В Книге Екклезиаста таковая фактически отсутствует. В египетском тексте сомнений в блаженной жизни по ту сторону смерти нет, поэтому смерть сладка и чаема, и если она и описывается как печальное событие, то только для того, чтобы отвлечь человека от преждевременного ухода из жизни.

«Размышления Хахаперрасенеба со своим сердцем», составленные в эпоху Среднего Царства или Второго переходного периода, напоминают Книгу Екклезиаста в первую очередь образом персонифицированного сердца. Пытливое сердце Хахаперрасенеба очень похоже на сердце Екклезиаста, которое тот также посвятил исследованиям. И в целом Екклесиа́ст также предстает как исследователь, приобре-

тающий познание через собственный опыт, проводящий ряд экспериментов. Надписание «Размышлений», характеризующее его содержание как «слова» и «избранные изречения», напоминает и надписание Книги Екклезиаста и сообщение ее заключения о том, что Екклезиаст упорядочил притчи и разыскивал красивые слова. В двух памятниках имеется самопредставление автора с именем, упоминанием рода деятельности и места пребывания. Оба автора отличаются грустным настроением. Египетский автор печалится от осознания того, что его желание сказать что-то совершенно новое неисполнимо. Библейский автор также с грустью сообщает о том, что в мире нет ничего нового, все уже было в прежние века. Очень близки описания бедствий, имеющиеся в обоих произведениях: нарушения социальной справедливости, притеснения слабых; социального переворота, когда богатые стали бедными и наоборот. Впрочем, для египетского автора эти бедствия имели временный характер, поскольку такого прежде не бывало, а для библейского характерен более пессимистичный взгляд: все это было, есть и будет всегда. Но этот пессимизм Екклесиаста отчасти уравнивается надеждой на некий божественный суд. Но самое главное, что отличает библейский текст – это развитие темы смысла жизни и страданий праведников.

«Обличения поселянина», относящиеся к эпохе XII-XIII династий Среднего Царства, в XX-XVIII века, особое внимание уделяют проблемам социальной несправедливости, которые также затрагиваются библейским автором. Оба автора возмущаются тем обстоятельством, что справедливость нарушают те, кто должен быть ее гарантом. Они отмечают, что в этом мире простые люди притесняемы. Оба памятника осуждают вымогательство, взяточничество, обличают безудержное человеческое стремление к обогащению и наживе. При этом они упоминают о смерти, которая делает бессмысленным бесконечное обогащение человека, поскольку она способна отнять у человека все, чем он обладает. Авторов обоих произведений удручают проблемы, встречающиеся в человеческой жизни. Тяжелые

обстоятельства порождают слова о превосходстве смерти над жизнью. Вместе с тем, происходящая в мире несправедливость имеет для библейского автора тотальный характер, а в египетском произведении речь идет только о конкретном проявлении несправедливости. В обоих текстах звучит уверенность в существовании идеала правды и справедливости, в конечном торжестве правды, в том, что зло будет наказано, и что человек должен жить праведно. Призывая совершать правосудие, египетский автор напоминает, что в этом человек уподобляется богам. В библейском тексте также присутствует мысль о том, что справедливость и праведность происходят от Бога. Египетский автор призывает не заботиться о завтрашнем дне. Этот призыв перекликается с общим печальным настроением Книги Екклесиаста, в которой часто подчеркивается бессмысленность забот о будущем, поскольку человек все равно умрет. Оба автора поднимают тему воздаяния. Но если в египетском произведении отражена вера в воздаяние и при жизни, и после смерти (божественный суд), то в Книге Екклесиаста есть сомнения в воздаянии. В качестве назидательного примера в «Обличениях» приводится упоминание о смерти праведника. В библейской книге в этом же контексте упоминается о смерти грешника, а также о божественном суде. Термину «Маат», который часто звучит в «Обличениях», в библейском тексте примерно соответствуют термины «мудрость», «заповедь», «праведность». Автор «Обличений» имел четкое представление о правде и справедливости, видел в реальном мире нарушение принципа Маат, был крайне озабочен поправлением истины, но при этом сохранял уверенность в возмездии, в конечном торжестве правды и при жизни, и после смерти. Автор Книги Екклесиаста также утверждает веру в торжество правды и божественный суд, но к этой вере он приходит через сомнение, а его представления о суде неопределенны. Сходным образом употребляется в данных памятниках термин «сердце», хотя в египетском тексте нет персонификации сердца. Оба произведения подчеркивают, что красноречие и мудрость не зависят от социального положения человека, утвержда-

ют веру в силу, действенность слова, оба отражают представление об ограниченности человека, который зачастую не знает и не понимает того, что происходит в его жизни на самом деле. Образы царя и вельможи из «Обличения» напоминают образ Бога из Книги Екклезиаста, Бога далекого, дистанцированного от человека, деяния и замыслы которого неизвестны человеку. Поэтому сходно и поведение человека, предоставленного самому себе, который не знает того, от кого зависит его жизнь. От незнания реального положения вещей крестьянин то восхваляет, то обвиняет Ренси. Подобным образом, Екклезиаст то сомневается в благодати Бога, то проявляет абсолютное доверие к Нему. Иными словами, книги отличаются антропоцентризмом и надеждой на высшую справедливость. Однако египетского автора не волновала проблема смысла жизни, а нарушения, о которых говорится в его книге, имеют временный характер.

«Пророчество Неферти», датируемое эпохой XII династии Среднего Царства, XIX-XVIII веком, напоминает Книгу Екклезиаста своими описаниями несчастий, постигших Египет. Как и в Книге Екклезиаста, в «Пророчестве» используется образ царя, который любит мудрость, нуждается в ней, стремится к ней, является собирателем мудрых и красивых слов; подчеркивается, что мудрость не зависит от социального положения человека. Сходно употребляется в обоих текстах термин сердце, включая персонификацию сердца. Одинаково присутствует в них тема сокрытости Бога, Его непостижимости, отстраненности и отдаленности Бога от человека. Сходны описания нарушения законности, нарушения иерархической структуры общества, потери людьми собранного ими состояния. Впрочем, по убеждению египетского автора, бедствия затрагивают и мир природы, чего нет в библейском тексте, в котором природа стабильна, не подвержена изменениям. Отличия имеются и в восприятии бедствий, которые с точки зрения египетского автора имеют временный характер, поскольку правда будет восстановлена. Египетский текст имел целью обосновать приход новой династии, поэтому противопос-

тавление периодов хаоса и стабильности являлось важной частью авторского замысла. Для Екклезиаста характерно иное видение несчастий: несчастья постоянны, они были и будут всегда. И на фоне всеобщей безнадежности Екклезиаст высказывает надежду на торжество правды, на суд. Его цель далека от политики и земного прагматизма. Он стремится показать, что вера и доверие к Богу не имеют для человека никакой альтернативы, что человеческая мудрость вне Бога приводит к полному обесмысливанию. Книга Екклезиаста рождает жажду вечности, жажду царства Божия и справедливого суда. Египетское «Пророчество» же не интересуется проблема смысла жизни.

«Речения Ипувера», которые могли появиться или во время XII династии Среднего Царства, или в Первый или Второй переходный периоды, т. е. в промежуток с XXII по XVIII век, также перекликаются к библейской книгой общностью описаний бедствий. К бедствиям, постигшим страну, общество, «Речения», относят нарушение сложившейся общественной иерархии, потерю людьми нажитого прежде имущества, обнищание богатых и обогащение бедных, попрание закона. Такого же рода бедствия описывает и Екклезиаст. Как и в египетском тексте, в еврейском тексте бедствия не затрагивают мир природы. Бедствия таковы, что возникает мысль о превосходстве смерти над жизнью. Отличия касаются в отношении автора к бедным, к низшим общественным слоям. Египетский автор виновниками произошедшего зла видит бедняков, поскольку именно они нарушают установленный порядок. Екклезиаст же более демократичен. Он положительно оценивает бедняка, который благодаря мудрости стал царем, он осуждает богатых коррупционеров. С точки зрения Екклезиаста, потеря богатства не всегда является злом, отрицательным фактом, поскольку Бог может отнять это богатство у нечестивого и отдать его праведнику. Оба автора выражают положительное отношение к религиозному ритуалу. Автор «Речений» выражает призывы поддерживать культ богов и культ мертвых. Екклезиаст также призывает к серьезному отношению к храмовым обычаям. В произведениях звучит об-

щий призыв к богопочитанию, хотя у Екклезиаста и выражается сомнение в необходимости принесения жертв. Вместе с тем, храм для библейского автора – это не место кормления божества, а место назидания. Объединяет произведения мысль о том, что радость от жизни, от богатства человек получает тогда, когда к нему благоволит Бог, и общая мысль о том, что Бог безразличен к человеку, не делает различия между праведником и грешником, Бог бездействует. Проблема кажущегося божественного бездействия порождает рассуждения Екклезиаста о непостижимости Бога и необходимости смирения. В египетском же произведении нет ответа на упрек в адрес бездействующего божества. Как и в других египетских памятниках, несчастья, о которых там красочно рассказывает Ипувер, временны, а проблема смерти и смысла жизни и вовсе не попадает в поле зрения автора.

«Поучение Птаххотепа», которое относят или к V-VI династии эпохи Древнего Царства (XXIV век), или к XII династии Среднего Царства, находит соответствие с положительными выражениями Книги Екклезиаста. Оба памятника имеют двойное надписание в начале книги с представлением автора. Сами же их авторы занимают высокое положение, обращаются с поучением к своему сыну. Они представляют результаты своей успешной деятельности, в которых они превзошли всех, кто был прежде них (отличается только в положении этих описаний в тексте – в Книге Екклезиаста они даны в начале, в «Поучении» – в конце). Оба автора сходно описывают старость, употребляют похожие выражения о женщине, об опасности, исходящей от нее, и о любви к ней. Оба автора имеют общее представление о безличном правосудии, возмездии за нарушение правильного порядка жизни, и общее представление о произвольной воле Божества, которая может нарушать причинно-следственные связи. По обоюдному убеждению, успех и богатство являются даром Божиим. Оба подчеркивают изменчивость положения человека в мире. Вместе с тем, в «Поучении» божественная воля не вступает в конфликт с Маат, а в библейской книге отражен конфликт между

принципом справедливости и произвольной божественной волей. В двух памятниках говорится о необходимости смирения перед теми, кто выше – перед царем и Богом, проводится аналогия между Богом и царем. Однако к этому смирению библейский автор приходит через внутреннюю борьбу. В обоих текстах присутствуют утилитарные мотивы в ряде советов. Например, в поучениях против алчности. Как и в случае с другими памятниками, подобно употреблению термина «сердце», который в «Почуении» выступает, в том числе, органом божественного воздействия на человека. В Книге Екклесиаста оно является своеобразным органом нравственного чувства. Сходны представления о египетской Маат и библейской мудрости. Термин «Маат» соответствует не только библейской мудрости, но и термину «заповедь». Маат – истина, отличающаяся действительностью, имеет практический характер, следование Маат обеспечивает процветание, а нарушающих Маат постигает возмездие, человек, следующий Маат – мудрый, молчаливый человек. Библейская мудрость является и знанием и умением, она действенна, она приобретается человеком, не зависит от социального положения, вместе с тем, она непостижима. Оба произведения подчеркивают силу мудрого и красноречивого слова, противопоставляют глупого и мудрого человека (хотя иногда в Екклесиасте и звучат сомнения в превосходстве мудрого). От «Почуения» Книга Екклесиаста отличается в первую очередь скептическими размышлениями, сомнениями, пристальным вниманием к проблеме смысла жизни, к проблеме несправедливости и воздаяния.

«Почуение Аменемхета», датируемое XII династией Среднего Царства, содержит, как и Книга Екклесиаста, наставление царственного отца, обращенное к своему сыну. В обоих произведениях царственные авторы описывают свои достижения. Однако эти описания выполняют различные функции и имеют различные акценты. Египетский автор подчеркивает свою доблесть, мудрость, справедливость, чтобы выделить вероломство заговорщиков, задумавших лишить его престола. Библейский автор делает

главный акцент на своем богатстве, полученном им благодаря мудрости, чтобы усилить свою мысль о бессмысленности человеческой деятельности. В обоих произведениях упоминается неверность подвластных людей, недолговечность памяти народа и слабость человека, когда он оказывается один, выражается недружелюбное отношение к женщине, осуждается несправедливость. Но если египетский царь показывает себя как защитник бедных и угнетенных, гарант социальной справедливости, то библейский – лишь сетует на нарушение социальной справедливости, отчего вообще возникает сомнение в его царственном достоинстве. В обоих памятниках выражается положительный взгляд на жизнь, показывается, что человек должен учиться жить, сохранять себя в сложных условиях, быть в жизни активным. Впрочем, в Книге Екклесиаста этот положительный взгляд на мир подвергается сомнению, а в египетском «Поучении» нет мучительных размышлений о смысле жизни и человеческой деятельности.

«Поучение Мерикара», время создания которого относят ко времени Первого переходного периода или Среднего Царства, к XXII веку, также является царским поучением. Содержание «Поучения» и содержание Книги Екклесиаста отражают события кризисных времен. Для Египта такие события связаны с Первым переходным периодом, для иудеев – с разрушением Иерусалимского храма, самого Иерусалима и последующим вавилонским пленом. В этой связи данные произведения могут рассматриваться как попытка теодицеи. Кризисный период переживался библейским автором особенно остро в связи с отсутствием определенных представлений о загробном существовании. На фоне кризиса, обоих авторов волновала проблема воздаяния. Но оба они призывают жить, следуя принятым нормам, памятуя о Боге и суде. Но в библейской книге этому призыву предшествуют серьезные сомнения. В памятниках затрагивается тема сокрытости Божества, подчеркивается, что бездействие Бога – только кажущееся, поэтому человек не должен опускать рук. Оба произведения призывают к смирению человека перед Богом. Они опираются на идею божествен-

ного суда, воздаяния за поступки, что предполагает наличие у них четких представлений о нравственной норме. Для обоих авторов следование правде, нравственная деятельность более важна, чем формальное участие в религиозном ритуале. Однако Екклезиаст и тут проходит через сомнение в необходимости следовать религиозному долгу. В обоих произведениях одинаково используется термин «сердце» (только в «Поучении» нет его персонификации), имя. Одинаково подчеркивают они силу слова и мудрости.

Итак, не вызывает сомнений, что Книга Екклезиаста, как литературный памятник, укоренена в традиции народов Ближнего Востока, она напоена ароматом литератур этих народов. Во всех этих произведениях поднимаются одинаковые проблемы, используются сходные термины, развиваются общие темы. Вместе с тем, Книга Екклезиаста отличается своим особенным взглядом на мир и человека, она озабочена проблемами, имеющими особое значение в библейском контексте. Ее волнуют проблемы воздаяния, смерти и смысла жизни, те проблемы, которые в контексте религиозных представлений древних египтян не могли приобретать особую остроту. При рассмотрении этих проблем библейский автор проходит путь от сомнения и скепсиса к утверждению в вере.

Мы рассмотрели Книгу Екклезиаста в связи с произведениями литературы мудрости Древнего Египта, относящимися к той эпохе в истории древнеегипетской письменности, которую можно было бы назвать золотой эпохой, когда были созданы наиболее известные тексты, считающиеся древнеегипетской классикой. В нашем сравнительном анализе были использованы наиболее важные для Книги Екклезиаста произведения. Вместе с тем, возможно и дальнейшее детальное сопоставление библейской книги с текстами, созданными на берегах Нила, которые относятся к более позднему времени. Например, с текстами, написанными от лица или во славу фараонов Нового Царства. Описание царских достижений, которое мы встречаем в Книге Екклезиаста, вполне сопоставимы с древнеегипетскими

описаниями деяний фараонов, направленных на укрепление богопочитания.

На стеле, установленной в храме Карнака, о деятельности фараона Тутанхамона сообщается следующее: «И величество его творило промышление (о) земле этой (т. е. о Египте), потребу (еже)дневную Обоих Берегов. И величество его держало совет с сердцем своим, изыскивая случай всякий превосходный, ища благое для отца своего Амуна, рождая (т. е. создавая) изображение его честное из светлого золота правильного. ... И величество его творило памятники богам [всем (?)], рождая (т. е. создавая) кумиры их из светлого золота правильного (т. е. неподдельного) из главного (т. е. лучшего) нагорий, созидая покои их заново как памятники пределов вековечности, благоустраивая ради бытия (на) вечность, устанавливая им жертвы божьи как постоянные для всякого, питая (т. е. обеспечивая) жертвенные хлебы их на земле. Дал он сверх бывшего прежде, превзошел [он (?) сотворенное (?)] со времени предков. Ввел он (жрецов-)очистителей и (жрецов-)слуг божьих из детей сановников город(ов) их, (именно) сына мужа знаемого, чье знают имя. [У]множил он [...] их золотом, серебром, сплавом меди с оловом (и) медью беспредельно [...]. Наполнил он пищевые производства их слугами (и) служанками из поставок добычи величества его [...] всяческие для храмов удвоенными, утроенными, учетверенными серебром, [золотом], лазоревым камнем, бирюзью, камнем всяким честным, полотном царским, белым полотном ... Очистило (т. е. посвятило) величество его слуг (и) служанок, певец (и) плясуний, бывших прислужницами в доме царевом»¹.

¹ *Надпись Тутанхамона. Текст на стеле, установленной в карнакском храме // Хрестоматия по истории Древнего Востока. Составление и комментарий А. А. Вигасина. М.: Восточная литература, 1997. С. 56-57. Текст взят из книги: Перепелкин, Ю. Я. Переворот Аменхотеп IV / Ю. Я. Перепелкин. Ч. 2. М., 1984. С. 176-178. В переводе Н. С. Петровского эту надпись см. в изданиях: Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963; Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1980. Т. 1.*

В связи с Книгой Екклезиаста в этом тексте представляет интерес и совещание фараона со своим сердцем, и провозглашение того, что деяния фараона превосходят все прочие деяния со времен предков, и само перечисление богатств, которые фараон направил на нужды богов.

В знаменитой поэме «Пентаура», которая была высечена на стенах храмов в Карнаке, Луксоре, Рамессеуме и Абу-Симбеле, фараон Рамсес II, обращаясь к богу Амону с упреком и мольбой о помощи, вспоминает свои деяния по укреплению почитания Амона: «Что же случилось, отец мой Амон? Неужто забыл отец сына своего? Совершал ли я что без ведома твоего? Разве не хожу я и не останавливаюсь по воле твоей? Разве преступал я предначертания твои? Что значит владыка Египта, если чужеземец осмеливается преграждать ему путь! Что сердцу твоему, о Амон, азиаты эти ничтожные, не ведающие бога?! Разве не воздвиг я для владыки множество великих памятников? Разве не заполнил я дворы храмов твоих плененными в странах чужих? Разве не возвел я храмы тебе на миллионы лет и не отказал всякое добро свое в завещании? Я принес тебе в дар все страны, дабы обеспечить твои алтари приношениями. Я даровал тебе несметное количество скота и всякие растения благоухающие. Не покладая рук трудился я для украшения святилища твоего. Я возвел для тебя великие пилоны и воздвиг высокие мачты для флагов. Я доставил тебе обелиски с Элефантины и сам сопровождал их до храма твоего. Я снаряжал суда за Великую Зелень, дабы поставить тебе изделия чужеземных стран. ... И пришел Амон, когда я воззвал к нему, и простер ко мне десницу свою, и я возликовал, - и был он как бы за мною и предо мною одновременно; и окликнул он меня: «Я с тобою. Я отец твой. Десница моя над тобою. Я благотворнее ста тысяч воинов. Я – владыка победы, любящий доблесть». И укрепилось сердце мое, и возликовала грудь»². Фараон по-

² *Поэма Пентаура*. Перевод М. А. Коростовцева // *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. Составление и комментарий А. А. Вигасина. М.: Восточная литература, 1997. С. 62-64. Этот же текст

трудился для своего божества, и его труды не оказались напрасны. Библейский автор также совершил много деяний, в том числе в области строительства, но все это он делал только для себя, и сам пришел к выводу о бессмысленности своего труда. И в этом смысле египетский фараон может показаться более благочестивым.

В связи с этими древнеегипетскими текстами, подчеркивающими деяния царей, направленные на укрепление материальной стороны культа, может возникнуть вопрос о том, почему царственный библейский автор, который так хотел выдавать себя за Соломона, ничего не упоминает об одном из важнейших деяний сына Давида – постройке Иерусалимского храма. Можно ли это связывать с тем, что еврейский автор имел более возвышенное представление о богослужебном ритуале и не разделял того своеобразного культового материализма, который был характерен для древних египтян? Или же он практически не упомянул о храме потому, что он ставил перед собой цель подчеркнуть одиночество человека в этом огромном мире, бессмысленность человеческого существования вне контекста присутствия Бога? В любом случае, сравнительный анализ подобных древнеегипетских текстов и Книги Екклесиаста может открыть новые перспективы для изучения богословия библейского текста.

см.: *Повесть Петеусе III*. М., 1978. С. 122-138. В переводе Н. С. Петровского поэма опубликована в книге: *Хрестоматия по Истории Древнего Востока*. М., 1963.